

Бутова Анна Владимировна, Дубских Ангелина Ивановна

"СОЕДИНИВ БЕЗУМИЕ С УМОМ...": РАЗУМНАЯ БЕССМЫСЛЕННОСТЬ МИРА В ПОЭЗИИ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

В статье рассматривается ключевое в художественных построениях Николая Заболоцкого положение о разумной бессмысленности мира, которое проливает свет на все творческое наследие поэта. На основании проведенного анализа делается вывод, что проблема оппозиции "ум - безумие" решается Заболоцким через понимание сущности метафоры. Автором также обращается внимание на существование перекличек между поэзией Заболоцкого и основополагающими моментами теории познания немецкого философа Иммануила Канта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 16-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

начало текста сознательно / бессознательно заменено вариантом / инвариантом логики читательской мысли. Имплицированное свойство письма диктует эксплицитную рецепцию формы [4]. Такой выразительной формой становится не столько сам язык, сколько нивелированный образ мысли, недведение ее до конечного результата. Горизонт читательских ожиданий редуцируется в условно видимый эстетический контур.

В заключение отметим, что философская эстетика постмодернизма стремится к неизбежной деконструкции индивидуально-авторского стиля, трансформации языка, определению его места в ряде ментальных (обобщающий характер) систем. Текстовое структурирование новой реальности в постмодерне обеспечивается формой симулятивной игры, смещением знака и его вероятностных коннотаций, трансцендентной гипертекстовой купюрой языка, интересубъективной незавершенной коллизией, диалогическим несогласием автора и читателя. Метод деконструкции позволяет преодолеть художественность (условность) жизни, но не разрушить ее идеальность, рецептивный же вектор анализа свидетельствует не об однополярной фазе прочтения / восприятия наличного текста, но о сознательном процессе самоидентификации автора / героя, генеративном поиске и нахождении событийных правил организации сущего.

Список литературы

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. **Безруков А. Н.** Интересубъективный характер художественного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52). Ч. 2. С. 23-26.
3. **Безруков А. Н.** Принципы античной драмы в условиях постмодернистской поэтики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58). Ч. 3. С. 20-22.
4. **Безруков А. Н.** Рецепция художественного текста: функциональный подход. СПб.: Гиперион, 2015. 298 с.
5. **Деррида Ж.** Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
6. **Кристева Ю.** Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
7. **Липовецкий М. Н.** Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.
8. **Маньковская Н. Б.** Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
9. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 336 с.
10. **Чувильская Е. А.** Маргинализация повествовательного пространства литературного гипернарратива // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42). Ч. 2. С. 201-203.

PHILOSOPHICAL AESTHETICS OF POSTMODERNISM: DECONSTRUCTION OF STYLE AND LANGUAGE

Bezrukov Andrei Nikolaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Birk
in_text@mail.ru

The article outlines the main principles of postmodernism aesthetics. The key poetic categories of the literary process of the end of the XX century are deconstruction of style, dynamics of language, intertextuality, postmodernist sensitivity, play with copies, plurality of meanings, diffusion of discourses, double code. It is concluded that a complex parametric system of postmodernism is generative conglomeration of interaction of classical artistic forms, whereas practice of writing is ontologically incomplete.

Key words and phrases: postmodernism; aesthetics; style; language; discourse; intertext; deconstruction; author; reader.

УДК 8;82-1

В статье рассматривается ключевое в художественных построениях Николая Заболоцкого положение о разумной бессмысленности мира, которое проливает свет на все творческое наследие поэта. На основании проведенного анализа делается вывод, что проблема оппозиции «ум – безумие» решается Заболоцким через понимание сущности метафоры. Автором также обращается внимание на существование перекличек между поэзией Заболоцкого и основополагающими моментами теории познания немецкого философа Иммануила Канта.

Ключевые слова и фразы: русская литература; поэзия Н. А. Заболоцкого; метафора; бессмыслица; И. Кант; соединение безумия с умом; поэма «Безумный волк»; разумная бессмысленность мира.

Бутова Анна Владимировна

Дубских Ангелина Ивановна, к. филол. н.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
annb.79@mail.ru; lina_masu@mail.ru

«СОЕДИНИВ БЕЗУМИЕ С УМОМ...»: РАЗУМНАЯ БЕССМЫСЛЕННОСТЬ МИРА В ПОЭЗИИ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

Как известно, Николай Заболоцкий является одним из самых «сложных» и «многогранных» художников русского модернизма [1, с. 15]. Для «реального искусства» этого поэта характерно не только сосуществование различных мотивов и тем, но и особый взгляд на мир. Что же лежало в основе мировидения Заболоцкого?

Исследование творческого наследия поэта позволяет говорить о дуальности его мышления в процессах восприятия, описания и уточнения реальности. Прежде всего, речь идет о взаимосвязи природы и культуры:

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил [3, с. 323].

Однако данная связь не отражает всей сути поэзии Заболоцкого. Совершенно по-другому обстоит дело с единством формы и содержания. Это единство присутствует в текстах автора постоянно, начиная с «ранних опытов» («Столбцы»). Причем если форма претерпевала изменения, то содержание оставалось по сути постоянным:

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь, –
На самом деле то, что именуют мной, –
Не я один. Нас много. Я – живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела! [Там же, с. 191].

Действительно, насколько мы можем видеть, речь вовсе не идет о том, что меняется содержание того, что поэт именует «Я», изменения касаются лишь оболочки – тела, формальной стороны человека.

Но самым интересным и в то же время парадоксальным положением, определяющим характер творчества Заболоцкого, является принцип соединения безумия с умом. Впервые об этом принципе как о новом поэтическом фундаменте автор «Столбцов» открыто заявляет в одном из своих программных стихотворений «Предостережение» (1932):

Где древней музыки фигуры,
Где с мертвым бой клавиатуры,
Где битва нот с безмолвием пространства –
Там не ищи, поэт, душе своей убранства.
Соедини безумие с умом,
Среди пустынных смыслов мы построим дом –
Училище миров, неведомых доселе.
Поэзия есть мысль, устроенная в теле [Там же, с. 107].

Стремление Заболоцкого соединить, казалось бы, несоединимое ставит перед необходимостью исследовать проблему оппозиции «ум – безумие» в творчестве поэта. Данная оппозиция решается Заболоцким весьма своеобразно – через метафору, а точнее – через понимание поэтом ее сущности.

Согласно Заболоцкому, «всякая метафора, пока она еще жива и нова, – алогична. Но самое понятие логичности есть понятие не абсолютное – что было алогичным вчера, то стало сегодня вполне логичным. Усвоению метафоры способствовали предпосылки ее возникновения» [2, с. 125]. Однако, по мнению поэта, «усвоение» метафоры приводит к ее стиранию, исчезновению, так как метафорическая конструкция лишается своего специфического признака – алогизма. Своеобразие метафоры связано с алогизмом формально соединенных друг с другом слов, поэтому необходимо согласиться, что осваивание метафорической конструкции создает такую связку слов, в которой они логично совмещаются. Наличие подобной логики в метафоре отмечается с самого начала (еще тогда, когда она была алогичным соединением слов), однако она не раскрывала себя именно вследствие того, что этому препятствовала сама метафорическая структура: метафора, настаивая на том, что слова в ней соединяются формально (алогично), скрывает связь слов, а не раскрывает. Представленная Заболоцким противоречивая ситуация, предполагающая и (начальное, «вчера») наличие метафоры, и ее (конечное, «сегодня») стирание, соприкасается с мнением Л. Липавского о нереальности существования в языке метафоры. По словам последнего, «субъективного не существует, всякая ассоциация – признак действительного сродства вещей, и на ассоциации и метафоры нельзя ссылаться, их следует объяснять, сводить к действительным связям. Вы говорите: золото – свет. Фрейд говорит: золото – кал, деньги. Разбираясь в значении слов, я заметил, что красное и черное – варианты одного и того же...» [5, с. 39].

И надо сказать, то же самое парадоксальное видение, предполагающее одновременное присутствие в одном явлении его актуального и потенциального качеств, диаметрально противоположных друг другу, присуще Заболоцкому и в случае его отношения к уму (разумности) и безумию. Помня о том, что, по Заболоцкому, метафора – это поставленные в причудливое взаимодействие (алогического характера) чисто смысловые слова, а подобное сцепление слов есть бессмыслица, и делая соответствующую подстановку в приведенную выше цитату, мы получим следующее: «всякая бессмыслица, пока она еще жива и нова, – безумна. Но самое понятие разумности есть понятие не абсолютное – что было безумным вчера, то стало сегодня очень даже разумным. Усвоению бессмыслицы способствовали предпосылки ее возникновения». Продолжая рассуждения в том же духе, мы можем сказать, что «усвоение» бессмыслицы приводит к ее исчезновению и возникновению смысла, так как бессмыслица лишается своего специфического признака – безумности. Своеобразие бессмыслицы связано с безумным характером существования предметов и явлений, поэтому необходимо допустить, что «усвоение» бессмыслицы приводит к такому состоянию предметов и явлений,

в котором они сополагаются и действуют разумно. Эта разумность изначально присутствовала в бессмыслице (еще тогда, когда она была безумным состоянием предметов и явлений), однако она не могла проявиться вследствие того, что этому препятствовала сама бессмыслица явленного: бессмыслица, настаивая на том, что предметы и явления в ней существуют безумно, скрывает разумный характер их бытия, а не раскрывает. В результате так же, как и в случае с метафорой, имеется парадоксальная ситуация: бессмыслица и наличествует, и отсутствует одновременно. И способствует этому не что иное, как соединение безумия с умом, о котором говорит Заболоцкий как об условии «построения дома», иначе говоря – поэзии-смысла.

В поэме «Безумный волк» показано, как Заболоцкий представлял себе «соединение безумия с умом» и каким образом бессмыслица может выступать связующим звеном между безумием и умом. Первые же строки поэмы наглядно демонстрируют бессмыслицу:

Если ты меня встретишь лежащим на спине
И поднимающим вверх лапы,
Значит, луч моего зрения
Направлен прямо в небеса.
Потом я песни сочиняю,
Зачем у нас не вертикальная шея.
Намедни мне сказала ворожея,
Что можно выправить ее [3, с. 138].

Однако Волк не ограничивается лишь мечтами «безумной головы», он пытается воплотить утопию в жизнь: заказывает станок для «вывертывания шеи», занимается литературой, сочинительством, науками, проводит эксперименты. На фоне общей бессмыслицы разворачивающихся в поэме событий главный герой, Волк, изначально характеризуется как безумный, сумасшедший, но затем наделяется умом, который толкает его на совершенно безумный поступок – взлететь «как пташечка с горы». Волк погибает, но «тень Безумного» продолжает будоражить умы молодых волков, сооружающих «новый лес». Тут было бы уместно вспомнить о характеристике, данной Заболоцким самому себе в манифесте ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства), где сказано, что голая конкретная фигура, предмет его поэзии «не дробится, но наоборот – сколачивается и уплотняется до отказа» [Там же, с. 524]. А поскольку уплотняет свои предметы поэт умом и мыслью, то напрашивается вывод: не есть ли избыток и чрезмерное насыщение умом признак подлинного безумия?

Таким образом, соединение безумия с умом создает предпосылки для проявления ключевого в художественных построениях поэта положения *о разумной бессмысленности мира*, которое проливает свет на большинство его стихотворений, в особенности же созданных в ранний период и включенных в сборник «Столбцы».

Любопытно, но одновременное наличие в вещах, предметах и живых существах Заболоцкого ума и безумия, разумности и неразумности, смысла и бессмысленности позволяет усматривать аллюзию на аналитику Иммануила Канта. Именно то кантовское разделение чувственных и интеллектуальных представлений о предметах мира, когда у нас есть возможность эти предметы одновременно познавать как «явления» и мыслить как «вещи сами по себе». В противном случае, то есть не имея мы этой возможности, говорит Кант в предисловии к «Критике чистого разума», имело бы место «бессмысленное положение, согласно которому явление существует без того, что через него является» [4, с. 29]. И тут же философ делает допущение, что разделения вещей как предметов опыта и вещей самих по себе нет. Значит, по его мнению, «закон каузальности и, стало быть, механизм природы должны были бы при определении причинности непременно распространяться на все вещи вообще как на действующие причины. Тогда нельзя было бы, не впадая в явное противоречие, сказать об одной и той же сущности... что ее воля свободна и одновременно подчинена естественной необходимости, т.е. несвободна» [Там же]. Тут уместно вспомнить неприятие Заболоцким причинно-следственной чехарды, допускаемой «оцепенелым» сознанием творцов «ветхой литературной позолоты»:

Причина – следствию отец,
А следствие – отец причины, –
Попробуй тут найти конец –
Не разберешься до кончины.
Системой выдуманных знаков
Весь мир вертится одинаков,
Не мир – а бешеный самум,
Изображенье наших дум [3, с. 608].

Так что приведенную цитату из «Критики» вполне можно применить и к творческим установкам Заболоцкого, исходя из которых об одной и той же вещи он может говорить одновременно как о несвободной в смысле ее неразумного (равно как и безумного) характера и свободной в смысле ее разумности.

Список литературы

1. Бутова А. В., Дубских А. И. Несимволистская вселенная Н. А. Заболоцкого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57): в 2-х частях. Ч. I. С. 15-17.
2. Заболоцкий Н. А. Мои возражения А. И. Введенскому, авторитету бессмыслицы // Логос. 1993. № 4. С. 125-127.
3. Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1. 655 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
5. Липавский Л. Разговоры // Логос. 1993. № 4. С. 7-75.

**“COMBINING MADNESS AND MIND”:
THE WORLD’S RATIONAL SENSELESSNESS IN N. A. ZABOLOTSKY’S POETRY**

Butova Anna Vladimirovna
Dubskikh Angelina Ivanovna, Ph. D. in Philology
Nosov Magnitogorsk State Technical University
annb.79@mail.ru; lina_masu@mail.ru

The article examines a thesis by Nikolay Zabolotsky on the world’s rational senselessness, which is a basis of his artistic conceptions. This postulate throws light on the whole poet’s creative heritage. Relying on the conducted analysis the authors conclude that Zabolotsky approaches the problem of opposition “mind – madness” through understanding the essence of the metaphor. The paper identifies similarities between Zabolotsky’s poetry and the key points of Immanuel Kant’s theory of cognition.

Key words and phrases: Russian literature; N. A. Zabolotsky’s poetry; metaphor; senselessness; I. Kant; combination of madness and mind; poem “The Mad Wolf”; world’s rational senselessness.

УДК 8

В 2016 году исполняется 80 лет с момента выхода первой газеты в Находкинском городском округе Приморского края. Многотиражная газета «Сигнал» издавалась на рыбзаводе «Находка». Развернутая информация о газете впервые вводится в научный оборот. В исследовании используется метод историзма, сравнения, описания. Без рефлексии, без историко-аналитического подхода к проблеме невозможно проследить эволюционную трансформацию местных газет и выявить их медиаидентичность. Исследуя историю газет предприятий, поселков, городов и пр., мы сохраняем региональную историю и ее медиаидентичность, о важности которых говорят многие исследователи журналистики в эпоху глобализма, который угрожает национальной культуре.

Ключевые слова и фразы: региональная журналистика; региональная медиаидентичность; информационный глобализм; национальная культура; первая газета г. Находки; газета «Сигнал».

Варавва Валентина Васильевна
Академия медиаиндустрии, г. Москва
valentina_zaliv_vostok@mail.ru

МЕДИАИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРВОЙ ГАЗЕТЫ НАХОДКИ

Данная работа продолжает исследование газет города Находки Приморского края. Необходимо отметить, что внимание к исследованию газет города обращено недавно, проблеме посвящены работы: «История печатных СМИ города Находка по страницам первых номеров» [3], «Региональная журналистика: Ливадийские газеты Находкинского городского округа» [5] и «Малотиражная пресса локального сообщества и власть» [4], в которых не отражена многотиражная газета «Сигнал» рыбзавода «Находка». В статье «История печатных СМИ города Находка по страницам первых номеров» рассмотрены газеты советского периода, описаны выходные данные, тематика и тон материалов, задачи, которые решали газеты, выявлено, чему был приурочен первый номер. Статья «Региональная журналистика: Ливадийские газеты Находкинского городского округа» посвящена газетам микрорайона «поселок Ливадия» Находкинского городского округа (НГО) с 1937 г. по наст. вр., выявлены сходства и различия газет: многотиражной «Тафуинский рыбак» (1937-1959), корпоративных «Рыбацкая Ливадия» (2001-2007) и «Рыбацкий мир» (2011 – н. вр.), частной «Залив Восток» (2007 – н. вр.). В статье «Малотиражная пресса локального сообщества и власть» рассмотрена проблема взаимодействия с местной властью малотиражных газет (до 999 экз.) Приморского края «Залив Восток» (НГО), «Мир путешествий» (НГО), «Село родное» (Партизанский район).

Проблема изучения газет г. Находки советского периода состоит в том, что в большинстве своем они не сохранились на территории Приморского края. Априори находкинцы считают, что первой газетой города является «Находкинский рабочий» (1945 г. – н. вр.), но парадигма состоит в том, что согласно исследованиям в Находке до 1945 г. выходили газеты «Сигнал» (1936-1937 гг., рыбзавод «Находка») и «Тафуинский рыбак» (1937-1959 гг., рыбокомбинат «Тафуин»), т.е. городская сеть периодических изданий г. Находки формировалась с многотиражных газет. Многотиражная газета «Тафуинский рыбак» рассмотрена в двух работах «История печатных СМИ города Находка по страницам первых номеров» [3], «Региональная журналистика: Ливадийские газеты Находкинского городского округа» [5], а многотиражная газета «Сигнал» описывается и анализируется впервые.

Таким образом, многотиражная газета «Сигнал», как первая газета г. Находки, представляет актуальный интерес для исследования. Актуальность заключается еще и в том, что в условиях «информационного глобализма», угрожающего национальным культурам, становится важным сохранение идентичности и культурно-